

ЛУНАЧАРСКИЙ О ЛЕНИНЕ НА ШТУТГАРТСКОМ КОНГРЕССЕ

Предисловие В. М. Далина

Публикация В. Д. Зельдовича

«Всякий раз, когда ко мне обращаются с просьбой, — писал Луначарский в 1930 г., — сообщить что-нибудь из моих воспоминаний о Ленине, я испытываю гнетущую тоску. Я не могу простить себе, что как-то, в каком-то порядке, хотя бы самом конспиративном (поскольку дело идет о временах не безопасных для записей), я не вел какого-то дневника, не делал каких-то заметок, которые могли бы позднее мне помочь. Огромное количество интереснейших личных разговоров, всякого рода заседаний и коллективных работ, участниками которых мы так или иначе являлись вместе, что позволяло мне наблюдать совершение им его исторической миссии, — прошли, оставив во мне очень бледный след, иногда даже не поддающийся хронологическому определению»¹.

К числу таких моментов, когда Луначарскому, «несмотря на начавшееся, а потом разросшееся разногласие», приходилось «работать в очень тесном контакте с Лениным»², он относил международные социалистические конгрессы в Штутгарте и Копенгагене. Однако запрошенный Институтом Ленина по поводу этих встреч на конгрессах, Луначарский отвечал: «Я, вероятно, смогу быть очень мало полезным вам по части воспоминаний о Штутгартском и Копенгагенском конгрессах. Времени прошло много, записок у меня никаких нет, а в памяти моей все это порядочно поистерлось. Боюсь наделать ошибок»³.

К счастью, как раз для Штутгарта такие своеобразные записи, об отсутствии которых так жалел Луначарский, обнаружены. Это — шесть писем к жене, Анне Александровне, которые Луначарский посылал ей из Штутгарта с 17 по 21 августа 1907 г., когда он присутствовал на конгрессе. Почти в каждом из них он подробно сообщал о всех своих встречах и разговорах с Владимиром Ильичем. Письма эти — не только ценнейший источник для выяснения взаимоотношений Ленина и Луначарского. Они очень важны для изучения роли Ленина и большевиков в довоенном II Интернационале. Публикуются они впервые и требуют некоторых исторических комментариев.

Русская революция 1905 г., ее нарастание — шествие к Зимнему дворцу 9 января, восстание «красного броненосца» «Потемкина», грандиозная всероссийская политическая стачка в октябре — произвели огромное впечатление в западноевропейском социалистическом движении. Под ее влиянием партийтаги австрийской социал-демократии в Вене и германской социал-демократии в Иене приняли решение о готовности использовать оружие всеобщей политической стачки. Но поражение русской революции, ее отлив, обозначившийся уже к середине 1906 г., произвели, в свою очередь, тягостное впечатление. Оппортунистические элементы, прежде всего в германской социал-демократии, чрезвычайно недовольные иенским решением, перешли в контрнаступление. Опираясь на аппарат уже тогда довольно сильных германских профсоюзов, они добились того, что на Мангеймском партийтаге (в сентябре 1906 г.) было принято постановление, фактически аннулировавшее иенскую резолюцию. Избирательная неудача германской социал-демократии на так называемых «готтентотских» выборах 1907 г. (во время которых консервативные и либерально-буржуазные партии объединились в своем осуждении

позиции германской социал-демократии, выступившей против зверского подавления восстания племен герреро и готтентотов в африканских колониях Германии), еще более усилила колебания в верхах германской социал-демократической партии. Уклончивая позиция даже Бебеля в некоторых вопросах, в частности по вопросу о всеобщей стачке и отношении к милитаризму, вызвала недоумение и осуждение со стороны представителей левого революционно-демократического крыла во II Интернационале и прежде всего большевиков и германских левых.

Луначарский был одним из тех, кто очень быстро реагировал на эти новые процессы в международном и германском социалистическом движении. «Кельнский съезд открыл бездну экономического болота, в котором погрязли германские профессиональные союзы», писал он в 1907 г.; «Мангеймский съезд был трагическим моментом (курсив наш.— В. Д.) в жизни германского социализма. Бебель в сущности взял назад свою боевую иепскую речь. Признание равноценности и равноправия партии и профессиональных союзов при наличных условиях крайне опасно. Фактически оно означает контроль оппортунистического чиновничества... над Vorstand'ом* партии, как-никак выражающим собою квинтэссенцию мысли и воли пролетариата»⁴.

Луначарский критиковал не только Бебеля, но и К. Каутского, пользовавшегося тогда еще огромным авторитетом среди всех русских революционных марксистов. По поводу статьи Каутского о Мангейме он писал: «Не знаю, как другим, но мне было больно читать этот отчет уважаемого мною учителя. Осторожный Каутский готов даже покривить душой, лишь бы не дать буржуазным противникам позлорадствовать насчет партии (...) Мы не привыкли слушать от Каутского подобных речи (...) Каутский очень хорошо понимает, какое в общем мрачное впечатление произвел Мангеймский съезд на все левое крыло интернациональной социал-демократии»⁵. По мнению Луначарского, позиция германской социал-демократии по вопросу о взаимоотношении партии и союзов — «это не марксизм, это немецкая версия его, уклонившаяся в сторону от взглядов учителя»⁶. С таким глубоко критическим отношением к германской социал-демократии Луначарский приехал в Штутгарт. Не случайно стоявший в повестке дня вопрос о взаимоотношении социалистических партий и профсоюзов интересовал его больше всех остальных: «Для меня центр тяжести конгресса лежал в вопросе о взаимоотношении политической и экономической организации рабочего класса. Пусть и здесь нельзя было ожидать решительного шага, вернее прыжка вперед: но даже маленькое движение в новом направлении имело здесь большое значение»⁷.

Среди зарубежных историков II Интернационала до сих пор господствует убеждение, что противоречия между большевиками и Интернационалом обозначились только в 1912 г., в связи с вмешательством Международного социалистического бюро в «русские дела». Мнение это совершенно ошибочно. Как известно из статей Ленина о Штутгартском конгрессе, опубликованных тогда же, в 1907—1908 гг., и из других его произведений и писем, обнаруженных и опубликованных позднее, позиция германской социал-демократии и даже Бебеля, к которому он относился с величайшим уважением, внушала Ленину тревогу уже в те годы. «Письма из Штутгарта» — новое, ценное свидетельство по этому вопросу.

Уже при первой встрече Луначарского с Лениным со всей определенностью вскрылось это критическое отношение Ленина к руководителям германской социал-демократии, его желание и намерение попытаться на конгрессе исправить допущенные ошибки и добиться более четких марксистских решений.

О беседе с Лениным еще до открытия конгресса Луначарский писал: «Ленин мил по-прежнему, хочется ему проучить немцев, как и мне. Троцкий страшно консервативен, застенчивый немецфил. Большевики на первых же порах закатали истерику из-за голосов. Но, кажется, это уладилось. Плеханов злится. Пока он заменен в интернациональном бюро Лениным». В конце своего письма Луначарский добавляет: «Ильич страшно хорошо ко мне относится. Ругает Бебеля, ругает Геда (курсив наш.— В. Д.), вообще подает надежды, хотя о синдикализме говорит сердито». К вопросу о синдикализме, о различном отношении к нему Ленина и Луначарского мы еще вернемся.

* правлением (нем.).

Сейчас нам хотелось бы подчеркнуть все значение этого сообщения Луначарского о позиции Ленина накануне открытия Штутгартского конгресса.

Это сообщение целиком совпадает с тем, что писал Ленин спустя несколько недель после конгресса Луначарскому, ознакомившись с рукописью его брошюры по вопросу о взаимоотношениях между социалистическими партиями и профессиональными союзами (написанной, кстати, как выясняется из публикуемых ниже писем, по прямому поручению Владимира Ильича): «Бебеля мы, разумеется, должны критиковать, и я не одобряю Троцкого, приславшего нам недавно одно сплошное словословие по поводу Эссена...»⁸. Большевики, — как категорически подчеркивает в этом письме Ленин, — должны «учиться не только у немцев, но и *на* немцах (это ваше требование тысячу раз верное!)»⁹. Характерно, что в 1913 г., когда Ленин опубликовал одну из самых ярких своих статей по поводу германской социал-демократии, он дал ей такой подзаголовок: «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении»¹⁰.

В предисловии к брошюре Воинова (Луначарского)¹¹ Ленин снова подчеркивал свою солидарность с ее автором в его критическом отношении к ошибкам германской социал-демократии: «Вот почему я и в Штутгарте был солидарен во всем существенном с тов. Воиновым и теперь солидарен с ним во всем характере его революционной критики. Он тысячу раз прав, когда говорит, что нам надо учиться теперь не только у немцев, но и *на* немцах (<...> Критиковать ошибки немецких вожakov мы должны безбоязненно и открыто, если хотим быть верны духу Маркса и помогать русским социалистам стоять на высоте современных задач рабочего движения. Бебель, несомненно, ошибался и в Эссене, когда защищал Носке, когда отстаивал разделение оборонительной и наступательной войны, когда нападал на *способ* борьбы „радикалов“ против Ван Коля, когда отрицал (вместе с Зингером) неудачу и неверность тактики немецкой делегации в Штутгарте. Не скрывать эти ошибки должны мы, а показывать на их примере, что русские социал-демократы должны учиться избегать их, должны удовлетворять более строгим требованиям революционного марксизма. И пусть не пробуют российские анархистики и синдикалистки, либералы и эсеры злорадствовать по поводу нашей критики Бебеля. Мы скажем этим господам: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться!»¹². В 1922 г. почти в тех же выражениях Ленин писал о своем отношении к Р. Люксембург и ее ошибкам.

При всей близости взглядов Ленина и Луначарского, публикуемые ниже письма показывают, пользуясь словами самого Анатолия Васильевича, «начавшееся разногласие» по двум важнейшим вопросам международного рабочего движения: в отношении синдикализма и в общей оценке германской социал-демократии. Справедливо критикуя ошибки вожakov германской социал-демократии, Луначарский (да и не один, достаточно указать на такого большевика, как Н. В. Крыленко¹³) в течение известного периода времени испытывал на себе влияние теоретических «попутчиков» синдикализма — Ж. Сореля (о котором он, судя по письмам, готовил отдельную работу), Артуро Лабриола и др. Ему казалось даже, что итальянский синдикализм с его признанием политической борьбы «стоит ближе всего к ортодоксальному марксизму»¹⁴. Правда, на конгрессе эти свои взгляды Луначарский не решился высказать до конца. «Он (Плеханов. — В. Д.) все воображает, — писал он жене, — что я за подчинение союзов партии, то же воображают поляки и бундисты. А для меня такое подчинение — нож вострый. Но я карт не раскрываю, а резолюцию-то предложил им не о подчинении, а о тесном сближении, на началах равноправия, с целым рядом ноток в чуждом им духе. Ленина я исподволь подготавливаю».

В свою позицию по вопросу о взаимоотношениях партии и профсоюзов Ленин внес в это время известные изменения. Он сам писал об этом в 1907 г. в предисловии к первому тому своей книги «За 12 лет»: «...многие страницы в „Что делать?“ посвящены разъяснению громадного значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности, я высказался тогда за *нейтральность* профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях я не высказывался иначе, вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский съезд РСДРП и Штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня прийти к выводу, что *нейтральность* профессиональных союзов *принципиально* отстаивать нельзя (<...>».

Стремление сблизить и связать союзы с партией—такова должна быть наша политика, причем проводить ее необходимо настойчиво и выдержанно во всей нашей пропаганде, агитации, в организационной деятельности, не гоняясь за простыми „признаниями“ и не выгоняя несогласномыслящих из профессиональных союзов»¹⁵.

Учитывая это обстоятельство и то, что Анатолий Васильевич не решился на конгрессе «раскрыть» свои синдикалистские увлечения, мы не можем не доверять Луначарскому, когда он сообщает в своем письме: «С Лениным вчера установились великолепные отношения. Он ужасно мною доволен (...) Я буду представителем РСДРП по вопросу о синдикализме в Международной комиссии. С Лениным договорился на бельгийском типе, т. е. на усилении социалистической агитации в рядах профессиональных союзов (...) Ленин согласен также относительно необходимости подчеркнуть, что борьба синдикатов не сводится к борьбе за улучшение быта в пределах капиталистического общества, но что они сыграют решающую роль под углом зрения самой социальной революции». Никак нельзя согласиться с Н. И. Крутиковой, когда она утверждает, что «Луначарский и не думал всерьез отстаивать резолюции Лондонского съезда и нарушил директивы, данные ему Лениным (...) Луначарский был рад случаю провести свою „антибольшевистскую точку зрения“»¹⁶.

Однако некоторые сатания Луначарского в сторону синдикализма, проявившиеся более явно в его брошюре (и в идентичной по содержанию статье в «Радуге»), не прошли мимо внимания Ленина. Так, высказанное в брошюре предложение о создании «Генерального рабочего совета» как своего рода «суперарбитра» между партией и профсоюзами Ленин отверг категорически, как «проект» «совершенно не практичный», как смещение «музыки будущего» с организационными формами настоящего¹⁷.

Ленин предостерегал также против «оптимизма» Луначарского насчет «примирения» с революционной социал-демократией тех экономистов, которые перешли к синдикализму¹⁸. Он считал, что в брошюре собственно «нет синдикализма», но есть ряд неосторожных формулировок, которые могут быть подхвачены и извращены противниками. «По-моему,— указывал он в письме к Луначарскому,— все Ваши мысли можно и должно излагать всегда так, чтобы критика направлялась не на ортодоксию, не на немцев вообще, а на *оппортунизм*. Тогда Вас *нельзя* будет перетолковать вкривь. Тогда ясен будет вывод: большевизм (...) сумеет взять *все живое* у синдикализма, *чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм*. Именно нам, большевикам, всего легче и естественнее это сделать, ибо мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и плехановского оппортунизма. И только мы можем с революционной, а не педантски-кадетской точки зрения Плеханова и К⁰, опровергнуть синдикализм, несущий с собой тьму путаницы (для России особенно опасной)»¹⁹. К сожалению, Луначарский далеко не сразу последовал этому дружескому совету Владимира Ильича, и «впередовские годы» на некоторое время приостановили их тесное политическое сотрудничество.

С разногласием по вопросу о синдикализме теснейшим образом было связано и другое — об оценке германской социал-демократии. Оно было неотделимо от общих назревавших разногласий среди большевиков в оценке политической обстановки в России, в признании необходимости использования парламентских форм борьбы, германского опыта, чему противились «бойкотисты» и будущие «отзовисты» и «ультиматисты». В этом отношении очень интересна фраза Ленина, сообщаемая Луначарским: «Хотя большевики слышать не хотят, когда я говорю, что мы вышли на 3—4 года в затишье и реакцию, но я в этом убежден». В этих условиях очень важно было отмежеваться от анархо-синдикалистского высмеивания «парламентаризма» и опыта германской социал-демократии. Ленин предостерегал поэтому против преувеличений в критике Бебеля и Каутского. «Тов. Воинов неправ, по моему мнению,— писал он в предисловии к брошюре Луначарского,— когда он говорит, что немецкие ортодоксы признают идею штурма вредной (...) Про Каутского этого нельзя сказать, и сам тов. Воинов признает правильность воззрений Каутского (...) Напрасно также поверил т. Воинов Плеханову (об этом эпизоде рассказывает Луначарский в своем письме. — В. Д.), будто Бебель нарочно умолчал о русской революции в своей приветственной речи, будто

Бebelь *не хочет* говорить о России <...> Промахи бывают с самыми лучшими и опытными ораторами. Назвать „характерным“ забывчивость старого Бебеля со стороны тов. Воинова, по-моему, до последней степени несправедливо. Точно так же глубоко несправедливо говорить вообще о „теперешнем“ оппортунистическом Бебеле. Для такого обобщения данных нет <...> Тов. Воинов достаточно доказал *всей* своей брошюрой, что он стоит на стороне немецких революционных марксистов (как Каутский), что он *вместе с ними* работает над устранением старых предрассудков, оппортунистических шаблонов и близорукого самодовольства²⁰. Подчеркивая необходимость критиковать и не замалчивать ошибки Бебеля, Ленин настаивал, однако, в письме к Луначарскому: «Но надо оговорить при этом, что это ошибки человека,— с которым мы идем одним путем и которые исправимы только на этом, марксистском, социал-демократическом пути. Ибо у нас много людей (Вы, вероятно, не видите их литературы), злобно хихикающих над Бебелем *ради прославления* эсерства, синдикализма (à la Езерский, Козловский, Кричевский — см. «Образование» и т. д.), анархизма»²¹.

Ленин считал в 1907 г., что для обвинения Бебеля и Каутского в переходе на позицию оппортунизма «данных нет». Но он внимательнейшим образом следил за всеми опасными зигзагами и срывами в поведении руководителей германской социал-демократии. По вопросу об отношении к английской «Рабочей партии» Ленин в 1908 г. разошелся во мнениях с Каутским на сессии Международного социалистического бюро. Сразу же после начала дискуссии о «стратегии низвержения» или «изматывания» в 1910 г. он готов был принять участие в дискуссии на стороне Розы Люксембург. Он возражал против поведения Бебеля на Цюрихской сессии МСБ в 1911 г.²² Он определил позицию Каутского в его дискуссии с Панекуком в 1912 г. как «архиоппортунистическую» и требовал от представителя ЦК РСДРП на Хемницком партийтаге в том же году связаться с левыми и добиться осуждения этой позиции Каутского²³. Он дал ему самую резкую оценку еще до войны в письме к Инессе Арманд: «Он личность подлая, совершенно без характера, поддающийся влияниям, постоянно меняющий позицию согласно тайным побуждениям...»²⁴ Но своей общей оценки германской социал-демократии, которую Ленин отстаивал в 1907 г. в споре с Луначарским, он не менял и после 1914 г.

В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», опубликованной в 1920 г., Ленин писал: «История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном, всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно, что *революционная немецкая социал-демократия* (заметьте, что еще Плеханов в 1900—1903 годах требовал исключить Бернштейна из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 г. разоблачали всю низость, подлость и предательство Легина),— что революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить»²⁵.

Все эти разногласия в Штутгарте, повторяем, только наметились. В основном на Штуттартском конгрессе установилась большая близость взглядов Ленина и Луначарского. Луначарский пользовался еще полным политическим доверием Владимира Ильича. Очень интересен их последний разговор в Штутгарте. «Сейчас, вечером,— сообщил Луначарский,— я долго разговаривал с Лениным. Я высказал ему почти все мои новые идеи. Указал и на то, что разрыв между нами, „еретиками“ — в глазах Плеханова,— и большевиками твердокаменного типа был бы гибелью для б<ольшевизма>, а нас превратил бы, вероятно, в висящих в воздухе литераторов, мелких же б<ольшевиков>ов нового типа толкнул бы к некритическому синдикализму. Он страшно внимательно меня выслушал и сказал: „Это все очень похоже на правду. Это ново и важно“». В этом же разговоре Ленин, живший еще в Финляндии (он покинул ее только через несколько месяцев), предложил Луначарскому стать чем-то вроде «главного идейного агента» ЦК за границей.

* * *

Штутгартские письма интересны не только тем, что они по-новому раскрывают целую страницу из истории взаимоотношений Ленина и Луначарского. Они очень живо рисуют всю обстановку и ход работы конгресса. Очень любопытны зарисовки ряда деятелей Интернационала: Бебеля, Плеханова, Вандервельде, де Брукера. После первого же разговора с Юбером Лагарделлем — тогда еще редактором журнала «Mouvement Socialiste», а позднее другом Муссолини и министром вишистского правительства Петэна — Луначарский совершенно точно определил его как «верхогляда, вертопраха и фразера». Письма, наконец, ярко рисуют самого их автора и как революционера и как человека.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. В. Луначарский. Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. — «Пролетарская революция», 1930, № 2—3, стр. 82.

² Там же, стр. 90.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 446, л. 20.

⁴ Воинов (А. В. Луначарский). Новые пути. Введение в отчет делегата РСДРП по вопросу о взаимоотношении партии и профессиональных союзов на Штутгартском международном конгрессе. — «Радуга», 1907 (Женева), № 3, ноябрь, стр. 53. Под псевдонимом «Воинов» Луначарский участвовал в работах Штутгартского конгресса, на котором он был делегатом с решающим голосом, входя вместе с В. И. Лениным, И. М. Гольденбергом-Мешковским, Б. Кнуньянцем (Радиным), В. А. Базаровым в состав его большевистской фракции.

⁵ А. В. Луначарский. Послесловие к книге А. Лабриола «Реформизм и синдикализм». СПб., 1907, стр. 252—253.

⁶ «Радуга», № 3, стр. 47.

⁷ Там же.

⁸ В Эссене в октябре 1907 г. (после Штутгарта) состоялся очередной партийный конгресс германской социал-демократии, на котором Бебель взял под защиту ряд оппортунистических выступлений деятелей партии (в том числе будущего военного министра в 1918—1919 гг. Г. Носке) в рейхстаге и на конгрессе в Штутгарте.

⁹ См. настоящ. том, стр. 33.

¹⁰ См. Ленин, т. 25, стр. 106—110.

¹¹ Брошюра не была опубликована из-за резкого сокращения издательских возможностей партии. Н. И. Крутикова не права, когда утверждает, что эта работа «была отвергнута, как идущая вразрез с решением партийного съезда» (Н. И. Крутикова в. Из истории борьбы В. И. Ленина против оппортунизма на международной арене. М., 1955, стр. 156). Ленин в письме 13 января 1908 г. дал совершенно противоположную оценку брошюры: «Вашу брошюру о Штутгарте прочел всю <...> По-моему, очень хорошо у Вас вышло, и все товарищи были очень довольны брошюрой. „Исправлять“ ее все мы сочли излишним: уж очень жаль стирать Ваши краски и портить живо написанную вещь» (настоящ. том, стр. 36). «Что касается до содержания Вашей брошюры, — подчеркивал Ленин в другом письме, — то мне она чрезвычайно понравилась, как и всей нашей публике. Прейнтересная и отлично написанная вещь» (там же, стр. 33). Ленин, считавший необходимым издать брошюру и написавший к ней предисловие, предупреждал, однако, А. В. Луначарского: «Не знаю, удастся ли нашим теперь издать Вашу брошюру. Трудно теперь издавать» (там же, стр. 36).

¹² Ленин, т. 16, стр. 187—188.

¹³ См. А. Брама (Н. В. Крыленко). В поисках «ортодоксии». СПб., 1909; см. также автобиографию Н. В. Крыленко в Энциклопедическом словаре Граната, т. 41, ч. 1, стр. 242. — Просмагивая справочник «Среди книг» Н. А. Рубакина, Ленин обратил внимание на рубрику «синдикалисты (особо от большевиков)» и выписал названия книг А. Брама, Л. Козловского и В. Поссе («Ленинский сборник», XXV, стр. 311).

¹⁴ А. В. Луначарский. Послесловие к книге А. Лабриола «Реформизм и синдикализм», стр. 259.

¹⁵ Ленин, т. 16, стр. 108.

¹⁶ Н. И. Крутикова. Из истории борьбы В. И. Ленина против оппортунизма на международной арене. М., 1955, стр. 154—155.

¹⁷ Ленин, т. 16, стр. 190. Ленин тут же добавил: «...Я несколько не боюсь перспектив тов. Воинова: „подчинение политических организаций классовой социальной организации“ <...> лишь тогда (я продолжаю цитировать тов. Воинова, подчеркивая существенные слова), когда ... все профессионалисты будут социалистами».

- ¹⁸ Ленин, т. 16, стр. 190.
¹⁹ См. настоящ. том, стр. 33.
²⁰ Ленин, т. 16, стр. 186—187.
²¹ См. настоящ. том, стр. 33.
²² Ленин, т. 5, стр. 358.
²³ Ленин, т. 48, стр. 87.
²⁴ Там же, стр. 325.
²⁵ Ленин, т. 41, стр. 16.

ИЗ ПИСЕМ ЛУНАЧАРСКОГО К ЖЕНЕ

(17 августа 1907 г.)

⟨...⟩ Приезжаю в Штутгарт, признаться, голодный и усталый, обращаюсь в бюро. Эсеров стаи, с⟨оциал⟩-д⟨емократа⟩ ни одного. Немцы из бюро не знают меня, мандата у меня нет. Посылают меня немцы в Liederhalle искать кого-нибудь русского. Прихожу туда — не могу никого найти. Насилу отыскиваю Балабанову, всю запыхавшуюся и усталую. «А, — кричит, — Вы делегат! немедленно поезжайте занимать комнату, иначе останетесь под шатром-небом», — сует адрес. «В пять часов, — говорит, — русское собрание, тогда всех увидите, а теперь их собаками не отыщешь».

Отправляюсь занять комнату. Занял. Вообрази — мой сосед Дейч!! Приветствовал он меня предружелюбно. Теперь я наскоро ем, чтобы в 5 быть на собрании. Русских здесь, как чертей в болоте. Все от любопытства. Наших сейчас увижу. Вечером напишу еще. Пишу карандашом, т. к. пера еще не добыл ⟨...⟩

Одну только неприятность сообщу тебе: кажется, выехать придется не 24, а 25, т. к. 24 вечером будет последнее и важное заседание, но, может быть, удеру и 24 ⟨...⟩

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 150 об. — 151.

(18 августа 1907 г.)

⟨...⟩ Вчера видел всех, сюда приехали Ленин, И. П. ⟨Гольденберг⟩, Базаров, Рубен и я с решающими голосами и несколько человек, между ними Троцкий и Палаша ⟨Литвинов⟩, с совещательными. Меньшевиком трое: Плеханов, Мартов и Мартынов, совещательные — Дейч и прочие. В числе гостей имеется в пух и прах разодетая Коллонтайша.

Ленин мил по-прежнему, хочется ему проучить немцев, как и мне. Троцкий страшно консервативен, закоснелый немцефил. Меньшевики на первых же порах закатили истерику из-за голосов. Но, кажется, это уладилось. Плеханов злится. Пока он заменен в Интернациональном бюро Лениным.

Сегодня торжественное открытие съезда. Я говорю Festrede*. Вот почему пишу в 7 часов утра, т. к. домой пришел поздно, все равно не мог бы послать письма, а всю почти ночь проработал над речью. Надеюсь — сойдет. Орл⟨овский⟩ ⟨Воровский⟩ не приехал потому, что болен. Ал⟨ександру⟩ ⟨Богданову⟩ нельзя было по делам. Очень приятную вещь сообщил мне Котляр, которого я здесь встретил. Издательство «Зерно» предлагает мне редактировать его перевод двух томов Петцольда с моим предисловием. Всего 40 стр. по 15, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и 20 рублей. Это чудесно. Если Петцольд пойдет хорошо, то под моей же редакцией пойдет и сам Авенариус.

Ильич страшно хорошо ко мне относится. Ругает Бебеля, ругает Гада, вообще подает надежды, хотя о синдикализме говорит сердито.

* Торжественная речь (нем.).

Все т<оварищи> спрашивали о тебе. И. П. говорит, что думал, что ты приедешь. <...> После моей речи сегодня же напишу письмо или по крайней мере подробную открытку. Штутгарт большой и красивый город. Я пришлю тебе его вид в конверте. Волнуюсь из-за речи. <...>

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 546, лл. 66—67.

<18 августа 1907 г.>

<...> Пишу тебе теперь после открытия съезда и после митинга. Перед открытием немцы пели под орган что-то довольно похоронное, вроде панихиды. Затем говорил приветственную речь трогательный в своей благородной старческой красоте Бебель. Речь его меня, однако, не совсем удовлетворила. Она была односторонне парламентская. Обратили внимание, что он ничего не сказал о России. Плеханов сейчас же прицепился к этому: «Видите, о России ничего! Это потому, что он нас теперь за анархистов считает! Тут вы, большевики, постарались». Мы сидим vis à vis с Плехановым, и все время идет пикировка.

Бебель сам говорил, что «забыл». Во всяком случае Вандервельде (кстати сказать, после своей недавней болезни до неузнаваемости облысевший и похудевший) поправил Бебеля и наговорил нам комплиментов. Говорил он, как всегда, красиво, мирно, с пластичными жестами. В Плеханове вспыхнула зависть: «Актёр дурной школы», — шипит. А сам, ей-ей, — плохой подражатель именно этого актера. Речь переводилась потом <...> Цеткиной на два другие языка, что далеко затягивает все дело и расхоложивает.

Потом состоялся митинг, я говорил на пятой трибуне, со мной говорили вождь чешской с<оциал>-д<емократии> Немец, вождь датской с<оциал>-д<емократии> Питцель, знаменитый организатор бельгийских кооперативов Anseele. Anseele говорил по-французски, остальные два по-немецки. Питцель плохо, Немец недурно, но слишком долго. Anseele по-французски говорил посредственно (он фламандец). Моя речь отчасти пропала, т. к. среди слушателей, по-видимому, лишь очень немногие знают по-французски и переводчик, мангеймский депутат Франк, мою и Ансеелеву речь уж очень упростил, но Anseele и по болезни не говоривший, но сидевший за нашей трибуной Фольмар сделали мне по комплименту. Речь Плеханова, как мне передавали, почти пропала по недостатку у него голоса.

Митинг был грандиозный, говорили с шести трибун, и около каждой было не менее тысячи слушателей. Пропасть знамен и т. д. В общем, я думаю, что будь ты здесь, ты осталась бы довольна и митингом и мною. С Базаровым вчера мы очень хорошо говорили. Но сегодня, к моему удивлению, оказалось, что здесь и его жена, приехавшая в качестве делегатки на одновременно заседающий женский с<оциал>-д<емократический> конгресс. Ты знаешь, что я не люблю эту особу. С нею я поздоровался очень холодно. И сейчас же это отразилось на Базарове! Что поделаешь! <...> Сейчас наскоро перекушу и отправлюсь сначала на большевистское собрание, а потом на концерт.

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 546, лл. 63—65.

<19 августа 1907 г.>

<...> Дела мои пока идут как по маслу. С Лениным вчера установились великолепные отношения. Он ужасно мною доволен. Я буду вести по предложенному мною плану всю баталию против Плеханова по вопросу о милитаризме в русской делегации. Я буду представителем РСДРП

по вопросу о синдикализме в международной комиссии. С Лениным вполне договорился на бельгийском типе, т. е. на усилении соц(иалистической) агит(ации) в рядах профессиональных союзов, на включении согласных на то синдикатов в партию на равных правах с чисто партийными организациями, на установлении организационной связи между центральными учреждениями обеих частей раб(очего) движения на равных правах. Ленин согласен также относительно необходимости подчеркнуть, что борьба синдик(атов) не сводится к борьбе за улучшение быта в пределах капиталистического общества, но что они сыграют решающую роль под углом зрения самой социальной революции.

Сегодня предстоит большущие перепалки с эсерами, а потом с меньшевиками.

Роза Люксембург предложила мне сотрудничать в «Neue Zeit», помещая от времени до времени статьи по философии. Но платить мне за это не будут, т. к. гонорар (небольшой у «N. Z.») уходит, как говорит Абрамов, целиком на плату очень дорогому, но очень хорошему переводчику, который перевел уже книги Дейча и переводит все статьи Мартова и Троцкого. Я обещал написать о русском марксистском эмпириокритицизме. С Р(оланд)-Гольст я еще не говорил, но она просила меня через Абрамова непременно повидаться с нею для делового разговора. (...) Конгресс кончается 24 числа, вряд ли сумею выехать в 3 часа (...)

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 6—7.

⟨20 августа 1907 г.⟩

⟨...⟩ Хотя я страшно устал, но хочу написать тебе теперь же вечером, чтоб ты вовремя получила письмо.

Расскажу тебе, что было в эти два дня. Громадная работа навалилась на меня постольку, поскольку я попал в комиссию о синдикализме, имея там противником не кого другого, как Плеханова. По этому вопросу мы с м(еньшеви)ками совершенно разошлись. На предварительном совещании Плеханов заявил, что он стоит за полную нейтральность проф(ессиональных) союзов. Я же выставил тезис: возможно большая близость партии и профсоюзов, где можно — даже органи(зованная) связь между ними, и не только для того, чтобы п(арти)я могла уберечь молодое раб(очее) движ(ение) от участи профес(ионализ)ма и других детских болезней, а и для того, чтобы организованные массы могли контролировать и освежать партию. А поэтому и за мною все были (Ленина не было, он был в бюро), решили вотировать резолюцию бельгийца Дебрукера, составленную в том истинно синд(икалистском) духе, который мы с Базаров(ым) стараемся проводить. М(еньшеви)ки решили отстаивать при Плех(анове) нейтральность, т. е. бороться с нашей русской Лондонской резолюцией.

В комиссии я увидел и услышал Дебрукера и прямо ⟨...⟩ влюбился в него. Это какой-то полубог. Громадный, стройный, прекрасный, со лбом Юпитера, с глазами немерцающими, как спокойные звезды, ласковый, ровный идеалист и тактик. Мы с ним тотчас же заключили союз. Против его резолюции выдвигаются три. Одна хуже всех — Вальяна, другая немного уж в нашем духе — Геда, третья, еще немножко ближе, — Беера. К сожалению, удержать резолюцию Дебрукера в ее первоначальном виде оказалось невозможным. Каутский предложил компромисс между бельгийской и ближайшей к ней немецкой бееровской резолюцией. Так что удалось лишь подвинуть Беера еще несколько дальше от Плеханова по моему тезису.

Плеханову предстояло остаться на мели. Нейтралистов, кроме него, в комиссии не оказалось. Он переметнулся и стал отстаивать, пока в ку-

луарах, резолюцию гедистов. Но плохо для него то, что гедисты, кажется, снимут свою резолюцию.

Кроме десяти реш(ающих) голосов, принадлежащих нам — русским с-декам (теперь так: $4\frac{1}{2}$ большевикам, $2\frac{1}{2}$ меньшевикам, остальные — Бунду, латышам, армянам и 7 голосов эсеровских), — здесь есть еще 3 голоса реш(ающих) у представителей проф(ессиональ)ных союзов. Их-то и надеялся завоевать Плеханов. А я решил побороться с ним и на этой почве. За день хлопот, переговоров (на фр(анцузском) и нем(ецком) я(зыках)), беготни и волнений я страшно устал. Я веду здесь мою линию. Базаров, который ее разделяет, сказал даже, что Плех(анов) остается немножко в дурачках. Он все воображает, что я за подчинение союзов партии, то же воображают поляки и бундисты. А для меня такое подчинение — нож вострый. Но я карт не раскрываю, а резолюцию-то предложил им не о подчинении, а о тесном сближении, на началах равноправия, с целым рядом новых потоков в чуждом им духе. Ленина я исподволь подготавливаю.

Теперь о сегодняшнем еще более значительном дне. Комиссия утром не заседала, т. к. заседал пленум, но т. к. там читали телеграммы, поздравления и прочее, то мы решили использовать это время. Я и Плеханов решились на большой турнир перед рабочими-профессионалами: 2 профессиональных «чиновника» — м(еньшеви)ки и интеллигенты, два коренных рабочих метал(лист) и текстильный из Москвы, два евр(ейских) представителя, с.-р. железнодорожник и с.-р. от приказчиков Зап(адного) края.

Плеханов т(ак) был уверен, что они будут за нейтральность, что обещал отдать свой голос в к(омис)сии профессионалис(ту), если нам и дадут там по голосу на всех (т. е. большевикам, меньшевикам, эсерам, профсоюзам). Турнир был важный. Я тебе его подробно расскажу по приезде. Это пока самое сильное впечатление съезда. В результате Пл(еханов) был разбит. 6 голосов высказалось за меня. За него только 2 интеллиг(ента) — м(еньшеви)ки, да и то один чуть-чуть, эсер, кажется (хотя и рабочий?), — колебался.

Ленин предложил мне, вверне обязал меня немедленно по возвращении в Италию сесть за брошюру: Воинов «Вопрос об отношении партии и проф(ессиональных) союзов на Шт(утгартском) конгрессе. Отчет о выполнении мандата РСДРП». Это дней на 10 работы, придется потом усиленно писать книгу. Придется, детка, хочешь — не хочешь, работать по 6 часов, зато брошюру о Сореле они соглашаются ждать 2—3 месяца. Авансом за обе работы дадут 100 рублей еще, считать будут по 60 р. за лист печ(атный) (Сорель), по 30 руб. за лист (о съезде). Это я сам сказал, за съезд (?) неловко брать больше 50%. Итого о Сореле я напишу листов 4—5, так что я заработаю 360 р. минус полученные 100 = 260 руб. Главное же — из них получу 100 сейчас, либо немедленно по возвращении Ленина в Финляндию.

Вечером заседала комиссия. Записанными были так: Плеханов сначала, я потом. Целую массу труда положил я на то, чтобы составить по-ф(ранцузски) ряд вариантов и предугадать всякий тон, который может взять Плеханов. Вдруг он меня спросил: «А под какой фамилией Вы записались?» Я сразу догадался, чего он хочет. Действительно, он попросил Ансееля (пред(седателя)) переставить нас. Каков шельмец! И как боится! Но хорошо, что я узнал заранее! А то предствав: у меня готовы все варианты говорить после Пл(еханова) и вдруг вызвали бы меня: я бы смутился. Но так я еще имел время переконструировать всю речь и прицелкнул там Плеха(нова). Главное было вот что: мой illustre*

* прославленный (франц.).

товарищ Плех(анов) говорил, основываясь на одном старом интервью Маркса; заявил на нашем предварит(ельном) собрании, что будет держаться чистого нейтралитета и что это единственная ортодоксальная точка зрения, а та, к которой приходит теперь наша комиссия, предст(авляет) собой смертельную опасность для профс(оюзов). Ввиду обязательства Пл(еханова) поддерживать эту точку зрения и ввиду ее резкого противоречия с резолюцией партии на Л(ондонском) съезде я должен был взять на себя представлять партийную точку зрения, совпадающую с резолюцией Б.(еера?). Правда, теперь, если не ошибаюсь, и Плех(анов) перешел на точку зрения гедистов. Я приветствую этот шаг к сближению с нами, и моя радость еще усилится, если за ним последуют следующие шаги. Конечно, я говорил и многое другое, но о Плеханове — вот это. Злится он ужасно. Но ответить ему не удалось, прервали заседание. Сегодня будем крутиться.

Сейчас, вечером, я долго разговаривал с Лениным. Я высказал ему почти все мои новые идеи. Указал и на то, что разрыв между нами, «еретиками» — в глазах Плеханова, — и большевиками твердокаменного типа был бы гибелью для б(ольшевизма), а нас превратил бы, вероятно, в висящих в воздухе литераторов, мелких же б(ольшевик)ов нового типа толкнул бы к некритическому синдикализму.

Он страшно внимательно меня выслушал и сказал: «Это все очень похоже на правду. Это ново и важно». А затем продолжил так: «хотя б(ольшевик)и и слышать не хотят, когда я говорю, что мы вошли на 3—4 года в затишье и реакцию, но я в этом убежден. Раз это так — за граница приобретает вновь большое значение. Пожалуй, хорошо, что вы и Рубен тут *поживете с годик за границей*. Я сам вошел вместе с Плех(ановым) в бюро Интер(национала). Буду жить в Финляндии, под Питером, и каждые 3 месяца ездить в Брюссель. Вам незачем никуда переезжать: живите, где хотите, Рубена же посылаем в Берлин, его назначаем оф(ициальным) предст(авителем) ЦК за границей, и он будет делать всю черную работу по колониям. Но вы должны: 1) вступить со мною в деятельную переписку через Стокгольм; 2) писать вскоре возникающего органа (ЦО); 3) переписываться с Рубеном, наставляя его по поводу всего, что он не сумеет разрешить сам; и 4) хотя изредка, раз в 2—3 месяца на 2—3 дня, и на партийный счет ездить в такие большие центры, как Берлин, Париж, Швейцария с рефератами и пр(очим). Я знаю, что вся эта работа* и слышал, что Вы нуждаетесь. Если Вы согласны взять на себя эту роль *главного идейного* агента за границей и постоянного с(отрудни)ка ЦО, то наш ЦК сможет выдавать Вам по мере надобности небольшие субсидии, так что Ваши убытки хоть наполовину да покроются, а зато мы тесно свяжемся». Я все это *принял*.

Ужасно рад, Анютка моя! Не смущайся поездками: обещаю тебе, что больше двух, максимум трех раз я *за весь год* не уеду и что ни одна моя отлучка не будет длиться больше недели (...). Завтра утром пошлю открытку, а вечером напишу о сегодняшнем дне.

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 546, лл. 81—87.

<21 августа 1907 г.>

<...> Только что вернулся с праздника, который закатали нам немцы. И вернулся с тоскою в душе, одиноким, с мыслью о тебе и тревогой: отчего ты не пишешь? Я пишу-пишу, держу свое обещание, а ты и строчки не написала. Шел домой с надеждой, что найду от тебя эпистолу — и,

* Так в тексте.

конечно, — ничего! Грустно мне. На празднике было шумно, но в общем несимпатично. Немцы вели себя даже пошловато, когда напились <...>

Пил я много с разными геноссами. Познакомился с Лагарделем и его женою, которые мне очень не понравились в общем (он верхогляд, вертопрах и фразер, она какая-то тонная) и с Роланд-Гольст — это очень и очень симпатичная дама, хотя уже немолодая и некрасивая. Но книгу свою она, оказывается, кончает лишь весной <...>

Ленину было, по-видимому, весело, по крайней мере он добросовестно старался быть веселым. Многие танцевали, пили, но мне было скучно. Я переходил от одного к другому, и все так выходило, что натывался на споры, на теоретические разговоры. Потом пошел после всего этого: вина, тостов и шума выпить черного кофе, с кем бы ты думала? с Мартовым! И побеседовал с час: объяснились. Ничего, расстались мирно <...> Этот вечер праздника в общем ничего не дал и не принадлежит к числу хороших впечатлений.

Удивляюсь, время идет, дела масса, а завтра англичане устраивают такой же праздник. Ну уже покорно благодарю, я туда не пойду. Лучше буду писать тебе и читать <...>

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 152—153.